

УДК 81-13

DOI: 10.17223/19986645/50/9

В.Е. Чернявская

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА В КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье объясняются теоретическо-методологические связи дискурсивного анализа, продолжающего текстоцентрический принцип анализа языковых явлений, с корпусным методом изучения языка. Обосновываются различия в подходах к анализу дискурса, приводящие к различным выводам относительно текстовой структуры в критическом анализе дискурса, с одной стороны, и лингвистике дискурса – с другой. Анализируются объяснительные возможности современной лингвистики дискурса, ориентированной на текстовую структуру, прослеживается динамика текстоцентрического подхода в лингвистических разработках с 1970-х гг. до современного этапа. Текст рассматривается как отправная точка в анализе дискурсивных процессов. Объясняется методологическая связь лингвистики дискурса с корпусным методом изучения языка.

Ключевые слова: *текстовая структура, лингвистика текста, лингвистика дискурса, критический анализ дискурса, корпус текстов, корпусные исследования языка.*

Постановка проблемы, цель анализа

Современный этап развития лингвистики отмечен дискуссиями относительно того, что определяет существо теоретико-методологической работы лингвиста и его инструментарий. Фокусируется вопрос: что является действительным языковым фактом для «доказательной лингвистики» (ср.: [1, 2]), решающей задачу представлять лингвистическое знание как достоверное и доказательное.

В современной лингвистической теории сосуществуют, с одной стороны, строго формализованные методы изучения языковых явлений, с другой – широкие интерпретативные подходы. С точки зрения В.М. Алпатова, которая в определенной мере выражает позицию теоретической лингвистики и методологическое осмысление ее задач, «постоянно идет борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей. Последний подход был сформулирован В. фон Гумбольдтом в начале XIX в., но его недостатком постоянно оказывались нестрогость и произвольность. Другой же подход, достигший максимума в структурализме, давал несомненные, но ограниченные результаты... Оба подхода неустраняемы из развития науки» [3. С. 18]. С 1990-х гг. и далее размежевание структурно ориентированного и широко интерпретативного подхода, соединяющего в анализе языковое и экстралингвистическое, усилилось в оппозиции «текст vs дискурс». Сложилось особого рода противопоставление исследованной речевой / текстовой структуры и когнитивных процессов, приводящих к образованию этой структуры. Специалисты замечают, что лингвистическая

теория, последовательно ориентирующаяся на речевую структуру, оказывается невостребованной в некоторых версиях дискурсивного анализа, которые, «по сути, растворяют текст как структурный и смысловой объект в бесконечном и аморфном семиозисе... либо вовсе отказываются от лингвистического субстрата, в том числе и от понятия текста» [4. С. 20]. В другой работе С.Т. Золян высказывается еще более определенно, критикуя размытые недифференцированные подходы к дискурсу: «Возможность строгого описания перестает восприниматься как необходимый критерий для оценки теории, а регулярность и системность, напротив, расцениваются скорее как результат желания упрощать исследуемые явления... Понятый превратно постмодернизм с недостаточно усвоенными процедурами деконструкции и дискурс-анализа и фантазирование на темы текста подменили анализ» [5. С. 6].

В потоке публикаций последних лет ссылки на дискурсивный анализ часто являются теоретически и методологически эклектичными. Действительно, разные концепции и разные научные школы дискурсивного анализа неравнозначно подходят к роли текстовой структуры в интерпретации языковых явлений, а категория дискурс по-разному инструментализируется в изучении и описании языка. В теоретическом осмыслении многообразия исследовательских подходов и их объяснительных возможностей важен сравнительный анализ целей и методов дискурсивного анализа. Представляется, что демаркационная линия должна усматриваться в следующей постановке исследовательского вопроса: является ли дискурс инструментом описания и изучения языка или инструментом обнаружения феноменов, которые предполагаются за использованием языка? Очевидно, что разное целеполагание и применение разных методов будет менять образ объекта и возможные выводы исследователя.

Целью публикации является анализ новых приоритетов и задач лингвистики в связи с растущим использованием корпусов текстов и корпусной методологии как инструмента доказательной лингвистики. Исходной посылкой является представление, что корпусно-ориентированный подход к языку обнаруживает методологическое сходство с дискурсивным анализом, а корпусная лингвистика – с лингвистикой дискурса. Анализ методологических приращений и преемственности можно считать эвристически значимым и продуктивным для осмысления тенденций развития науки о языке.

Теоретический контекст проведенного анализа задан исследованиями в 1990–2015 гг. (и отчасти в ранних публикациях) лингвистических концепций дискурса, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, корпусной лингвистики. На основе структурного контент-анализа в сочетании с контекстуально-интерпретативным, интертекстуальным, интердискурсивным анализом проанализированы наиболее разработанные и дискуссионные вопросы, актуальное состояние и тенденции развития в науке о языке. Ключевой вектор развития лингвистической методологии усматривается в последовательном переходе от анализа идеальной структуры языка к анализу корпуса текстов.

Основной авторский результат заключается в объяснении теоретических и методологических связей дискурсивного анализа, продолжающего текстоцентрический принцип, с корпусным методом изучения языка. Обосновываются, во-первых, теоретико-методологические различия внутри дискурсивно-

го анализа, приводящие к качественно различным выводам относительно текстовой структуры в критическом анализе дискурса, с одной стороны, и лингвистике дискурса, с другой, и, во-вторых, перемещение в фокус исследовательского интереса лингвистов корпусного анализа языковых явлений.

Текст: от статичности к процессуальности

Для лингвиста единственная объективная реальность – это речевая структура / текст. Человеческое знание не только фиксируется и представляется в виде текстов, но и порождается в языковом смысле как текстовая структура.

Такой подход является не единственно возможным в дискуссиях относительно того, что же в действительности может и должен изучать лингвист, стремящийся к созданию объяснительной метатеории. Теоретический и методологический плюрализм подходов связан с осознанием того, что именно текст является основным, но не единственным элементом в сложной системе человеческой коммуникации. В работе [6] показано, что теоретическим выводом из этого оказалось разделение текста, т.е. результата коммуникативной и когнитивной деятельности и дискурса, иначе говоря, самого процесса деятельности.

Противопоставление статичности и динамичности, изучение дискурса как процесса и текста как результата коммуникативных процессов является одним из ключевых аспектов когнитивно ориентированной лингвистики. С того момента, как категория дискурса вошла в активный научный оборот, стало отчетливым исследовательское противопоставление статичности (текста) и процессуальности (дискурса). Фокус лингвистических разработок перемещался от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и текстовосприятия. В зависимости от теоретических позиций, научной школы и личных интересов исследователей это противопоставление может звучать с меньшей или большей силой, превращаясь в оппозицию «или текст, или дискурс». В свою очередь, категоричность подобного разделения может оборачиваться сомнением относительно эвристической значимости анализа речевой структуры вообще. Так, например, сложная система взаимовлияния ментальных процессов и их отражения в тексте может представляться метафорически как взаимодействие «тела» и «души». Показательно следующее суждение: «В число исходных постулатов для метатеории понимания текста могут входить следующие. "Тело текста" без продуцирующего и воспринимающего его человека остается некоторой мертвой последовательностью графем; для его "оживления" или "одушевления" необходима включенность и "тела текста", и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может» [7. С. 157]. В приведенной цитате российского психолингвиста А.А. Залевской важен следующий акцент. Методологические установки психолингвистики, а именно изучение процессов порождения и восприятия смыслов как существенных (как «души») важны, они вносят неоспоримый вклад в общую поступательность знаний о языке. При этом рассуждения о «теле текста» и его «душе» основаны на метафорическом значении и сопряжены со спецификой метафорического значения. Это значит, что имплицитные приращения смысла к эксплицитным значениям могут

значительно превосходить последние в суммарном объеме информации. «Имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними...» (ср.: [8. С. 240]). Метафора способна создавать напряжение и даже конфликт между буквальным и пересмысленным значением. Именно такой конфликт создается при использовании определений «текст мертв», когда исследователь подталкивается к выводу о незначительности текстовой структуры по сравнению с «живой душой» когнитивных процессов.

Подчеркнем, что когнитивная лингвистика имеет безусловный эвристический и методологический потенциал, позволяющий рассматривать языковые данные как проявление деятельности познания. Это пример нежесткого структурирования и моделирования. Одновременно с этим утверждением принципиально значимо другое: резкое противопоставление текста и дискурса, результативности и процессуальности нельзя признать продуктивным. Напротив, продуктивным следует считать понимание текста и как результата, и как самого процесса когнитивно-коммуникативной деятельности.

В сложившихся к последнему десятилетию XX в. объяснительных концепциях текстуальности функциональная перспектива текста выходит на первый план [9–17]. Доказывается, что все языковые единицы, включенные в текст, являются результатом осмысленного целенаправленного выбора автора, создающего текстовое целое. На современном этапе в новом исследовательском ракурсе повторяются и основополагающая бахтинская концепция диалога, и идеи выдающегося филолога А.А. Потебни о том, что «при помощи слова человек вновь узнает то, что уже было в его сознании. Он одновременно и творит новый мир из хаоса впечатлений, и увеличивает свои силы для расширения пределов этого мира» [18. С. 148].

Текст получает признаки процессуальности, поскольку смысл текстового целого дает возможность свободной интерпретации, игры авторских и читательских смыслов, не обязательно совпадающих с заложенными авторскими смыслами. Именно в таком смысле сформулировал представление о тексте авторитетный немецкий лингвист П. Хартманн в 1964 г., когда в мировой науке только начинались дискуссии о целесообразности изучения феноменов больших, чем предложение: текстом можно назвать все то, что происходит в языке, поскольку язык существует в коммуникативной и всегда социальной, т.е. ориентированной на партнера форме (ср.: [19. С. 17]).

Ключевое представление о текстоцентрическом принципе, принимаемом здесь за основу, было развернуто сформулировано в работе [2]. Повторяя основные тезисы: человеческое знание – это знание текстуальное, оно представлено в текстах, зафиксировано текстами и порождается как текст. В такой формулировке заключено возражение представлению, что текст является лишь средством для презентации и архивирования знания, ‘упаковкой’ для когнитивного содержания. Напротив, текст – это средство порождения знания, как личностного, так и коллективного. Под этим понимается, с одной стороны, получение, структурирование и риторическое оформление знания как такового, с другой – критическое осмысление, интерпретация и изменение знания, его приращение. Значение текстовой структуры при интерпрета-

ции широкого комплекса языковых и коммуникативных явлений по-разному операционализируется в дискурсивно ориентированной практике.

Дискурс как объект лингвиста

Современный дискурсивный анализ существует в условиях плюрализма, порождаемого многообразием как методов анализа, так и определения самого объекта анализа – дискурса. Причины значительных расхождений в оперировании термином «дискурс» проанализированы в работах [20, 21]. Сведение этого многообразия к одномерности и однообразию не рассматривается здесь как цель анализа и как его методологическое преимущество. При этом принципиально значимое утверждение, при всей его очевидности, таково: адекватность выбора дискурсивного метода работы с языковыми фактами существенно влияет на интерпретацию результата анализа.

Анализ сложившихся к современному этапу концепций дискурса позволяет выдвинуть на первый план следующее методологически важное разделение.

Во-первых, в современной ситуации дискурсно ориентированных исследований необходимо отграничивать понимание дискурса в философии и социологии и лингвистические подходы к дискурсу (как отчетливая тенденция это особенно проявляется в зарубежной лингвистике). Решается задача отделения собственно лингвистической концепции от «дискурса по Фуко», т.е. социологических, философских пониманий дискурса [17, 22, 23].

Во-вторых, делимитация нелингвистического и лингвистического подходов должна быть дополнена исследовательским вопросом: что дает дискурсивный анализ по сравнению с иными лингвистическими дисциплинами, например лингвистикой текста, семантикой, социолингвистикой?

В этом ракурсе, в-третьих, принципиально значимым является различие в подходах, задаваемое вопросом: дискурс используется как инструмент описания и изучения языка самого по себе или как инструмент обнаружения феноменов, стоящих / усматриваемых исследователем за использованием языка?

Такое разделение исследовательских подходов стало следствием теоретического и методологического обособления лингвистики текста, лингвистики дискурса и концепций критического анализа дискурса.

Лингвистика дискурса и особая методология анализа дискурса раздвинула границы традиционной лингвистики текста поступательно от интереса к предложению, к тексту и далее содержательно-смысловой общности текстов (подробнее см.: [21, 22, 24–27]). Дискурс понимается как транстекстовая структура, создаваемая за счет глубинной содержательно-тематической связности отдельных текстов – когезии, функционального единства, интертекстуальности, интердискурсивности. Здесь дискурс – это способ употребления языка, его особый модус. Цели дискурсивного анализа в этом случае подобны целям грамматики и семантики текста. Они заключаются в описании функционирования языковой системы за границами семантики отдельного текста, т.е. на уровне выше, чем отдельное предложение и затем отдельный текст.

В случае дискурса возникает не новый и не особый лингвистический объект, а новый ракурс изучения языка. Изменяется модус его описания, если понимать под модусом новые характеристики, получаемые в дополнение к известным базовым характеристикам. В строгом смысле методологическая новизна дискурсивного анализа связана не с привнесением нового инструментария, но с применением традиционных методов анализа текстовой структуры за пределами отдельного высказывания / текста.

Так, исследователь выявляет и объясняет, какой действительный смысл складывается из семантики языковых единиц, анализируя интертекстуально и интердискурсивно ряд высказываний, показывает, например, что действительно означают высказывания «мы подлинные патриоты», «свободное общество наша цель», «я горжусь тем, что я москвич» и т. п. в совокупности со значениями иных высказываний, существующих вместе с данным, в совокупности импликаций и интертекстуальных связей. Исследователь ориентируется на семантику дискурса наряду с семантикой слова, семантикой предложения. Для дискурсивной семантики существенно не буквальное значение языковых единиц, но интертекстуальные и интрадискурсивные отношения и порождаемые ими импликации. При этом анализируются и сопоставляются значения слов, предложений не только из одного текста, но из разных, объединенных тематически текстов. Дискурсивный анализ осуществляется как макросемантический и глубинно-семантический анализ. Некий текст будет считаться репрезентативным для 'научного, фашистского, патриотического дискурса' и т.д. не потому, что в нем используются понятия «наука», «фашизм» или «патриотизм», но потому, какое содержание и оценка выявляются в семантическом поле данного текстового целого.

Выход исследовательского интереса лингвиста за границы предложения и далее за границы текста обусловил становление лингвистики дискурса как самостоятельной дисциплины. Дискурс как лингвистическая категория (подчеркиваем здесь именно лингвистическое понимание!) соотносится с над-/транстекстовыми явлениями и структурами. Это следует из основных лингвистических подходов к дискурсу как:

- объединению тематически общих текстов;
- институционализированной коммуникативно-речевой практике;
- модели текстопостроения и текстовосприятия для единичных текстовых экземпляров;
- виртуальному текстовому корпусу, определяемому на основе содержательно-смысловых критериев.

Сложились также иное понимание дискурса и иные цели и методы дискурсивного анализа, ставшие широко известными в мировой практике в связи с критическим анализом дискурса (Critical Discourse Analysis, Critical Discourse Studies, Discourse Historical Approach) с середины 1980-х гг. (см.: [28–35]). Ключевой акцент, который расставляли исследователи, так или иначе развивавшие это направление, предполагал связь практического использования языка с условиями порождения смыслов. Терминологически критический анализ дискурса обособился благодаря публикациям Н. Ферклафа, который с начала 1980-х гг. применял его к коммуникативным процессам в обществе, опираясь на системную функциональную лингвистику М. Хэллидея. Методо-

логически вектор исследования идет от отрицания структуралистского подхода к «языку (langue) без контекста», к изучению языка как социально обусловленной функционирующей системы. Реализовано это через «функциональную грамматику» и «социальную» семиотику» [32].

В этом подходе одним из первых сделан акцент на взаимосвязи языка, власти и идеологии, который в последующем будет генерально прочерчен в исследованиях Т. ван Дейка, Р. Водак. По Ферклафу, порождение значения (семиозис) происходит как общественно детерминированный процесс: значение создается и оформляется в социальных практиках. При этом язык – одна из форм реализации значения в ряду других возможных семиотических кодов. Языковые конвенции (orders of discourse), формы языкового выражения делают очевидным существование определенных социальных, гендерных, этнических идентичностей.

Критический анализ дискурса ориентирован на социальные проблемы. В центре не язык как таковой, но лингвистический характер социокультурных процессов. Понятия «дискурс» и «социокультурная практика» находятся в диалектических отношениях друг к другу: общество и культура создаются как дискурс и одновременно порождают и поддерживают определенный дискурс. Использование языка – социально конструируемо и одновременно социально конструктивно. Ср.: «Language use as social practice... is socially shaped, but it is also socially shaping or constitutive. ... Language use is more over constitutive in both conventional, socially reproductive ways, and creative, socially transformative ways» [36. С. 134].

Методологически критический анализ дискурса, по Ферклафу, предполагает три процедурных этапа [29. С. 4–10]. Сначала структура и содержание текста (устного или письменного) анализируется с помощью традиционных методов текстовой когезии и когерентности с опорой на семантику языковых единиц. На втором этапе анализируются онтологические условия возникновения конкретных текстов: специфика порождения текста, характеристики его адресата, рецептивная специфика в связи с характеристиками адресата, медиальная специфика, т.е. коммуникативный канал, формат распространения высказываний – устный, письменный, СМИ и т.п. На завершающем этапе анализ учитывает социальные конвенции, допущения, пресуппозиции для вывода о характере дискурсивной практики (discourse practice). Благодаря этому отдельный текст оценивается как выражение этой социальной практики и «порядка дискурса».

Во взаимодействии языка, власти и идеологии иной методологический подход задан Т. ван Дейком. Исследуя вслед за Н. Ферклафом корреляцию этих понятий, ван Дейк заявляет ключевой тезис о том, что эта взаимосвязь невыводима напрямую. Между макроуровнем социальной практики, на котором, собственно, осуществляется власть, и микроуровнем коммуникации должно быть дополнительное звено (missing link), соединяющее язык и власть, «that is a sociological construct in its own right» [28. С. 354]. Роль такого связующего звена ван Дейк видит в социальном знании (social cognition). Ключевой тезис таков: власть актуализируется через знание, власть – это когнитивный контроль, «mind control» [Там же. С. 357]. Осуществление и удержание власти предполагает контроль за идеологиями, ценностями и об-

щественными нормами, манипулирование нормами. В результате знания, убеждения, нормы, ценности и идеология реципиентов формируются в интересах доминирующей группы.

Идеология в критическом дискурс-анализе – это форма социального знания и социального контроля за теми или иными практиками. При этом методологически значимо, как замечают исследователи, что это «само собой разумеющееся знание, допущения и пресуппозиции, натурализовавшиеся в определенных способах использования языка» [37. С. 64]. Это те знания о мире, которые создают определенную ментальную рамку для интерпретации и оценки событий, и соответствующие действия. Идеология создает и поддерживает идентичность социальных групп в их целях, интересах, ресурсах и возможностях социального доминирования.

Для реконструкции социального знания критический анализ дискурса, по ван Дейку, использует традиционные и всесторонне описанные лингвистические методы текстового анализа (анализа устного высказывания). В центре внимания оказываются речевые средства, которые транслируют идеологию или, наоборот, маскируют ее, например синтаксические связи, сочинительные или подчинительные, пассивные конструкции как средство дистанцирования субъекта высказывания и т.п., средства когезии и когерентности, риторические фигуры, средства аргументации, в том числе опора на авторитет, модальные средства смягчения, усиления категоричности, окончательности суждения и др.

В направлении критического дискурс-анализа, которое развивает Р. Водак [34, 35], заданы дополнительные ракурсы, а именно, идея о том, что в обществе различные идеологии, идентичности конкурируют друг с другом. Предметом критического анализа является отношение и различие между конкурирующими идеологиями. В публикациях 1980–1990-х гг. венской школы критического анализа дискурса тематическим фокусом стали гендерные, расистские, антисемитские, националистические стереотипы и предубеждения, которые авторы прослеживали в австрийском и немецком обществе, в том числе и в повседневной коммуникации. Политика, идеология исследуются на уровне обыденной коммуникации через анализ обыденных тривиальных высказываний, получающих националистическую, расистскую окраску и идеологические смыслы.

Итак, в критическом анализе дискурса язык рассматривается как форма социальной практики, порождающей различные властные идеологические отношения. Цель анализа – показать в интерпретации текста зависимость языковых структур и форм от идеологически сконструированной формы социальной практики. Изучается не язык как таковой, но представления о широком экстралингвистическом фоне, стоящем за (над) текстами. Напротив, в рамках лингвистического подхода дискурс инструментализируется теми концепциями, которые рассматривают его как над-/ транстекстовое единство. Повторяя ключевые определения лингвистики дискурса, дискурс – это содержательно-тематическая общность текстов, текстовый корпус, определяемый на основе тех или иных критериев.

От дискурса к корпусу

Понимаемый так дискурс и – шире – лингвистика дискурса связаны с новым взглядом на задачи теоретической лингвистики. Наиболее существенное отличие, по мнению В.А. Плунгяна, в ориентации не на идеальную структуру языка, но на представительный корпус текстов. «Корпус – это новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии. Можно сказать, что корпус в каком-то смысле вернул лингвистам их подлинный объект – тексты на естественном языке в максимально полном объеме» [38. С. 7–8; С. 14].

Дискурсивный анализ, последовательно ориентированный на текстоцентрический принцип, демонстрирует, по сути, корпусный метод исследования языка. С дискурсивно ориентированных позиций, исследователь, анализируя отдельный текст, должен доказать его репрезентативный статус для определенного типа дискурса, т.е. опираясь на избранный метод текстового анализа (стилистический, риторический, лингво-прагматический и др.), показать, что единичный текст есть часть серийной дискурсивной практики.

Примечательно, что в публикациях с 2000-х гг. корпусная лингвистика представляется как часть дискурсивно ориентированной теории и – шире – как новая объяснительная теория (ср.: [16, 39–43]).

Корпус – это собрание текстов в электронной форме, предназначенное не для чтения (в этом принципиальное отличие корпуса от электронной библиотеки), а для изучения в соответствии с целями исследователя. Лингвист, изучая употребление языка, делая обобщения относительно частотности употребления лексических и грамматических вариантов и т. п., может задавать различные критерии и характеристики текстов для объединения в корпус. Можно задать хронологические, жанровые, содержательные, гендерные и т.д. критерии для корпуса, например, мемуарные тексты, написанные женщинами о Второй мировой войне в период 1960–1970-х гг. на немецком языке и т.п. Аналогию с корпусным методом обнаруживает исследование языка писателя, идиостиля как изучение совокупности текстов автора, а также классическая филология в описании мертвого языка как описания всей совокупности доступных для исследователя текстов, входящих в корпус этого языка. Одновременно у современных корпусных методов есть свои отличия от классического филологического подхода. Например, неприоритетность литературоцентричности, которая характеризует отбор текстов для корпуса, (см.: [38. С. 14].

Корпусная лингвистика обнаруживает параллели с лингвистикой дискурса. В самом общем представлении они таковы. Если лингвистика дискурса фокусирует интегративность, интертекстуальную связность текстов, то корпусная лингвистика фокусирует репрезентативность текстовых образцов. Дискурсивно ориентированный анализ – это качественно-ориентированный анализ, глубинно- и макросемантический, вскрывающий глубинные связи высказываний, не обязательно лежащие на поверхности. Корпусно ориентированный анализ – количественный, создающий исследовательский фокус на том, что в языковом употреблении обеспечивает содержательное единство.

Использование корпуса продуктивно в связи с проблемой доказательства существования в языке определенного явления, при этом не отождествляются понятия «иметься в корпусе» и «иметься в языке». Могут существовать потенциально возможные языковые явления, не отраженные в данном корпусе, при этом факт отсутствия потенциально возможного явления в корпусе является для исследователя значимым.

Новизна, привносимая дискурсивным анализом, должна связываться с методами изучения совокупности отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных. Преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как относительно законченной, формально ограниченной структуры идти к другим текстам. Содержание дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов. В свою очередь, это предполагает качественно новый подход к тексту – не как к относительно законченной структуре, но как к структуре в интертекстуальном и интердискурсивном единстве. В таком представлении становится очевидным инструментальный характер дискурсивного анализа. Это дескриптивная, описательная практика, своего рода «антионтологический проект»: исследователь изучает не то, как должно быть по правилам, а то, как разнообразно получается в социоречевой практике.

Заключение. Современная лингвистическая теория переосмысляет систему своих декларативных («знаю, что») и процедурных знаний («знаю, как»). Разработаны разные объяснительные подходы и разные модели представления и интерпретации знаний. Методы дискурсивного анализа, ориентированного на текстовую структуру, могут быть инструментализированы в практике корпусных исследований. И наоборот, корпусный подход к языку и тексту развивает и поддерживает теоретические представления о дискурсе как особом формате для языковой практики и языкового употребления, который переводит тексты из области внесистемного к представительной совокупности.

Литература

1. Gross A. Is Evidence Based Linguistics the Solution? Is Voodoo Linguistics the Problem? *Lacus Forum* 32. 2006. P. 173–188.
2. Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. С. 77–84.
3. Алпатов В.М. Что и как изучает языкознание? // *Вопр. языкознания*. 2015. № 1. С. 7–21.
4. Золян С.Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура // *Критика и семиотика*. 2013. № 1 (18). С. 18–44.
5. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: УРСС, 2014. С. 336.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: УРСС Либроком, 2009.
7. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
8. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
9. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. М.: Высш. шк., 2005.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста: структура и семантика. М.: УРСС, 2007.
11. Adamzik K. *Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer, 2004.
12. Antos G. Texte als Konstitutionsformen von Wissen // *Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen. Transformationen. Trends*. Antos G., Tietz H. (Hgg.) Tübingen, 1997. P. 43–63.
13. Halliday M.A.K. *An introduction to functional grammar*. London, 2007.

14. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen: Niemeyer, 2002.
15. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen, 1991.
16. Sinclair J. Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. Ruthledge: London, New York, 2004.
17. Warnke I. Adieu Text – bienvenu Diskurs? Über Sinn und Zweck einer poststrukturalischen Entgrenzung des Textbegriffs // Brauchen wir einen neuen Textbegriff? Antworten auf eine Preisfrage. U. Fix (Hrsg). Frankfurt/M.: Peter Lang, 2002.
18. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. 2-е изд. М.; СПб., 2003.
19. Hartmann P. Text, Texte, Klassen von Texten // BOGAWUS. Zeitschrift für Literatur, Kunst, Philosophie. 1964. № 2. P. 15–25.
20. Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопр. когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 54–61.
21. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: УРСС-Либроком, 2013.
22. Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. W. de Gruyter, 2011.
23. Warnke I. Diskurslinguistik nach Foucault. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2007.
24. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Busse D. et. al. (Hgg.) Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. Opladen, 1994. P. 10–28.
25. Busse D. Diskurslinguistik als Kontextualisierung. Methodische Kriterien, sprachwissenschaftliche Überlegungen zur Analyse gesellschaftlichen Wissens // Warnke I. (Hg.) Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände. Berlin; New York, 2007. P. 81–105.
26. Warnke I., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik // Warnke I., Spitzmüller J. (Hgg.) Methoden der Diskurslinguistik. de Gruyter: Berlin; New York, 2008. P. 3–54.
27. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. М.: УРСС, 2016.
28. Dijk T.A. van. Critical discourse analysis // D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (Hgg.). The Handbook of discourse analysis, London, 2010.
29. Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. London; New York, 1995.
30. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // van Dijk T. A. (Hg.). Discourse studies. A multidisciplinary introduction. Bd. 2: Discourse as social interaction. London: Sage, 1997. P. 258–284.
31. Fairclough N. Language and power. London, 2010.
32. Halliday M.A.K. Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning. London, 1994.
33. Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Münster, 2009.
34. Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination. Rhetorics of racism and anti-Semitism. London; New York, 2001.
35. Wodak R., Reisigl M. The discourse-historical approach (DHA) // Wodak R., Meyer M. (Hgg.). Methods of critical discourse analysis. London; New Delhi, 2009. P. 87–121.
36. Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse // Discourse and Society. 1993. № 4(2). P. 133–168.
37. Молодыхенко Е.Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. 2015. № 3. С. 90–97.
38. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7–20.
39. Baker P. Using Corpora in Discourse analysis. London et al.: Continuum, 2006.
40. Bubenhofer N. Diskurse berechnen? Wege zu einer korpuslinguistischer Diskursanalyse // Warnke I., Spitzmüller J. Methoden der Diskurslinguistik. Walter de Gruyter: Berlin; New York, 2008. P. 407–434.
41. McEnery T., Xiao R., Tono Y. Corpus-based Language Studies. London et al.: Ruthledge, 2006.
42. Teubert W., Cermakova A. Corpus Linguistics. A short introduction. London et al.: Continuum, 2007.
43. Tognini-Bonelli E. Corpus Linguistics at work. Amsterdam et al.: Benjamins, 2001.

TOWARDS METHODOLOGICAL APPLICATION OF DISCOURSE ANALYSIS IN CORPUS-DRIVEN LINGUISTICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9

Valeria E. Chernyavskaya, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

Keywords: text structure, discourse linguistics, text linguistics, critical discourse analysis, corpus-based language studies

The framework proposed in the paper combines the linguistic way of analysing discourse with a corpus-driven approach. The author presumes that the actual research focus and theoretical framework in language studies differ from the previous models of language analysis and interpretation. The new issues are connected with changed research priorities from analysis of ideal language structures towards corpus-based linguistic studies. The paper outlines that the corpus-based/corpus-driven approach matches with crucial assumptions of discourse studies. Discourse analysis has always relied on text corpora as its empirical basis. However, there are diverse aims and methods of discourse-based approaches in current linguistics. The paper sets out the author's view of key issues of discourse analysis and their application in corpus-based language studies. It includes a condensed theoretical account of critical discourse analysis (CDA) and discourse linguistics dealing with explanation and modelling language-in-use and language-related subjects. The paper comments that CDA refers to discourse as a form of social practice, ideologically shaped and shaping. The objective of the paper is to set out a methodologically different approach, first, to discourse as an intertextual structure and, second, to discourse linguistics as extension of principles of text linguistics.

It is presumed that the speech structure / text is the only objective reality for a linguist. It is treated as a means for knowledge mining, generalising, formatting and augmenting. Text structure is presumed to be a starting point for a discourse processing analysis as developed in discourse linguistics. The discourse is interpreted as a linguistic reflection of collective textual practice. The paper presents methodological potential and research tools of discourse linguistics for validation of linguistic observation results on the trans- / metatextual level.

This paper will follow the question of how new approaches in text linguistics and discourse analysis could contribute to redefinition of the subjects and analytical methods of linguistic facts interpretation. According to the current state of research and theory the corpus-based language analysis will be an explanatory strong theory. Text and discourse linguistics may be a precondition for corpus-based linguistics as a metatheory of language subjects. The corpus-driven discourse analysis proves the framework to be an important addition to corpus linguistics.

References

1. Gross, A. (2006) Is Evidence Based Linguistics the Solution? Is Voodoo Linguistics the Problem? *Lacus Forum*. 32. pp.173–188.
2. Belyaeva, L.N. & Chernyavskaya, V.E. (2016) Evidence-based linguistics: methods in cognitive paradigm. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 77–84. (In Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84
3. Alpatov, V.M. (2015) Linguistics: what and how? *Voprosy yazykoznaniiya*. 1. pp. 7–21. (In Russian).
4. Zolyan, S.T. (2013) “Endless labyrinth of linkages”: semantics of text as a multidimensional structure. *Kritika i semiotika – Criticism and Semiotics*. 1 (18). pp. 18–44. (In Russian).
5. Zolyan, S.T. (2014) *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of the poetic text]. Moscow: URSS.
6. Chernyavskaya, V.E. (2009) *Lingvistika teksta. Polikodovost'. Intertekstual'ost'. Interdiskursivnost'* [Linguistics of the text. Polycodicity. Intertextuality. Interdiscursiveness]. Moscow: URSS Librokom.
7. Zalevskaya, A.A. (2001) *Tekst i ego ponimanie* [Text and its understanding]. Tver: Tver State University.
8. Nikitin, M.V. (2003) *Osnovaniya kognitivnoy semantiki* [Foundations of cognitive semantics]. St. Petersburg: RSPU.
9. Goncharova, E.A. & Shishkina, I.P. (2005) *Interpretatsiya teksta* [Interpreting the text]. Moscow: Vysshaya shkola.

10. Turaeva, Z.Ya. (2007) *Lingvistika teksta: struktura i semantika* [Linguistics of text: structure and semantics]. Moscow: URSS.
11. Adamzik, K. (2004) *Textlinguistik* [Text linguistics]. Tübingen: Niemeyer.
12. Antos, G. (1997) Texte als Konstitutionsformen von Wissen [Texts as constitutional forms of knowledge]. In: Antos, G. & Tietz, H. (eds) *Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen. Transformationen. Trends* [The future of text linguistics. Traditions. Transformations. trends]. Tübingen: Niemeyer.
13. Halliday, M.A.K. (2007) *An introduction to functional grammar*. London: Edward Arnold.
14. Heinemann, M. & Heinemann, W. (2002) Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs [Foundations of text linguistics. Interaction – text – discourse]. Tübingen: Niemeyer.
15. Heinemann, W. & Viehweger, D. (1991) *Textlinguistik. Eine Einführung* [Text linguistics. An introduction]. Tübingen: Niemeyer.
16. Sinclair, J. (2004) *Trust the Text. Language, Corpus and Discourse*. London, N.Y.: Routledge.
17. Warnke, I. (2002) Adieu Text – bienvenu Diskurs? Über Sinn und Zweck einer poststrukturalistischen Entgrenzung des Textbegriffs [Adieu text - bienvenu discourse? About the meaning and purpose of a poststructural delimitation of the concept of the text]. In: Fix, U. (ed.) *Brauchen wir einen neuen Textbegriff? Antworten auf eine Preisfrage* [Do we need a new concept of text? Answers to the question]. Frankfurt; Moscow: Peter Lang.
18. Potebnya, A.A. (2003) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. 2nd ed. Moscow; St. Petersburg: Vysshaya shkola.
19. Hartmann, P. (1964) Text, Texte, Klassen von Texten [Text, texts, classes of texts]. *BOGA-WUS. Zeitschrift für Literatur, Kunst, Philosophie*. 2. pp.15–25.
20. Chernyavskaya, V.E. (2014) Discourse paradigm: phantom objects and syndromes. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 54–61.
21. Chernyavskaya, V.E. (2013) *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of the text. Linguistics of discourse]. Moscow: URSS-Librokomp.
22. Spitzmüller, J. & Warnke, I. (2011) *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse* [Discourse linguistics. An introduction to theories and methods of transtextual speech analysis]. Berlin, N.Y.: W. de Gruyter.
23. Warnke, I. (2007) *Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände* [Discourse Linguistics after Foucault. Theory and objects]. Berlin, N.Y.: W. de Gruyter.
24. Busse, D. & Teubert, W. (1994) Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik [Is discourse a linguistic object? On the method question of historical semantics]. In: Busse, D. et al. (eds) *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik* [Conceptual history and discourse history. Method questions and research results of historical semantics]. Opladen.
25. Busse, D. (2007) Diskurslinguistik als Kontextualisierung. Methodische Kriterien, sprachwissenschaftliche Überlegungen zur Analyse gesellschaftlichen Wissens [Discourse linguistics as contextualization. Methodological Criteria, Linguistic Considerations for the Analysis of Social Knowledge]. In: Warnke, I. *Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände* [Discourse Linguistics after Foucault. Theory and objects]. Berlin, N.Y.: W. de Gruyter.
26. Warnke, I. & Spitzmüller, J. (2008) Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik [Methods and Methodology of Discourse Linguistics]. In: Warnke, I. & Spitzmüller, J. (eds) *Methoden der Diskurslinguistik* [Methods of Discourse Linguistics]. Berlin, N.Y.: W. de Gruyter.
27. Chernyavskaya, V.E. (2016) *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the medial space]. Moscow: URSS.
28. Dijk, T.A. van. (2010) Critical discourse analysis. In: Schiffrin, D., Tannen, D. & Hamilton, H. (eds) *The Handbook of discourse analysis*. Wiley.
29. Fairclough, N. (1995) *Critical discourse analysis. The critical study of language*. London; N.Y.: Longman.
30. Fairclough, N. & Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: Dijk, T.A. van. (ed.). *Discourse studies. A multidisciplinary introduction*. Vol. 2. London: Sage.
31. Fairclough, N. (2010) *Language and power*. London: Longman.
32. Halliday, M.A.K. (1994) *Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold.
33. Jäger, S. (2009) *Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung* [Critical discourse analysis. An introduction]. Münster: Unrast.

34. Reisigl, M. & Wodak, R. (2001) *Discourse and discrimination. Rhetorics of racism and anti-Semitism*. London; New York: Longman.
35. Wodak, R. & Reisigl, M. (2009) The discourse-historical approach (DHA). In: Wodak, R. & Meyer, M. (eds). *Methods of critical discourse analysis*. London; New Delhi: SAGE Publications.
36. Fairclough, N. (1993) Critical discourse analysis and the marketization of public discourse. *Discourse and Society*. 4(2). pp. 133–168.
37. Molodychenko, E.N. (2015) Ob operatsionalizatsii kategorii “tsennost” v tekstovom i diskursivnom analize: k voprosu o lingvisticheskoy aksiologii [On the operationalization of the “value” category in textual and discursive analysis: to the question of linguistic axiology]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 90–97.
38. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as an Instrument and as an Ideology: On Some Lessons of Contemporary Corpus Linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2. pp. 7–20.
39. Baker, P. (2006) *Using Corpora in Discourse analysis*. London et al.: Continuum.
40. Bubenhofer, N. (2008) Diskurse berechnen? Wege zu einer korpuslinguistischer Diskursanalyse [Calculate discourses? Ways to corpus linguistic discourse analysis]. In: Warnke, I. & Spitzmüller, J. (eds) *Methoden der Diskurslinguistik* [Methods of discourse linguistics]. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter.
41. McEnery, T., Xiao, R. & Tono, Y. (2006) *Corpus-based Language Studies*. London et al.: Routledge.
42. Teubert, W. & Cermakova, A. (2007) *Corpus Linguistics. A short introduction*. London et al.: Continuum.
43. Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at work*. Amsterdam et al.: Benjamins.